

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.93>

Садокова Анастасия Рюриковна

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ И СТАНОВЛЕНИЕ НОВОЙ ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В статье исследуется история знакомства японцев в конце XIX в. с русской литературно-критической мыслью, с работами В. Г. Белинского. На конкретных примерах показано, как непросто шел этот процесс и какие сложности возникали в ходе осмысления японской читающей публикой критических идей русской литературы. Показана роль известного русиста Фтабатэя Симэя в деле пропаганды критических идей В. Г. Белинского, в формировании в японском обществе стойкого интереса к русской критической мысли, которая в дальнейшем оказала огромное влияние на процесс становления и развития новой японской литературы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/3/93.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 3. С. 445-449. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

речь идёт о восприятии женщины в обществе. В викторианском обществе считалось неприемлемым для женщины иметь внебрачные отношения, в то время как мужчинам это считалось позволительным, не могло испортить репутацию, повлиять на дальнейшую жизнь. Обращение драматурга к теме женского равноправия можно считать новаторским для конца XIX века, когда появилось и активно развивалось движение суфражисток.

Таким образом, используя ретроспекцию как основу для построения пьес, Г. А. Джонс, наряду с Б. Шоу, внёс значительный вклад не только в развитие жанра «новая драма» в Великобритании, но и в формирование английской национальной модели ретроспекции.

Список источников

1. Адмони В. Г. Генрик Ибсен: очерк творчества [Электронный ресурс]. URL: <http://www.norway-live.ru/library/genrih-ibsen-ocherk-tvorchestva12.html> (дата обращения: 10.02.2019).
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.
3. Гаспаров М. Л. Сюжетосложение греческой трагедии // Новое в современной классической филологии / отв. ред. С. С. Аверинцев. М.: Наука, 1979. С. 126-166.
4. Меркулова М. Г. Ретроспекция в английской «новой драме»: истоки, типология, функционирование: дисс. ... д. филол. н. М., 2006. 345 с.
5. Пави П. Словарь театра / пер. с фр.; под ред. К. Разлогова. М.: Прогресс, 1991. 504 с.
6. Смирнова Н. А. Социально-психологическая драма Хенрика Ибсена и английская драматургия рубежа XIX-XX веков (комедии Оскара Уайльда и драматургия Джона Голсуорси): дисс. ... к. филол. н. Л., 1990. 195 с.
7. Сокур Г. А. Драматургия Джона Голсуорси (к проблеме европейской драматургической традиции): дисс. ... к. филол. н. Л., 1977. 212 с.
8. Храповицкая Г. Н. Основные пути развития норвежской драмы второй половины XIX – начала XX века: Ибсен, Бьернсон, Гамсун, Г. Хейберг: дисс. ... д. филол. н. М., 1979. 698 с.
9. Cordell R. A. Henry Arthur Jones and the Modern Drama. N. Y.: Kennikat Press, 1968. 265 p.
10. Jones H. A. Mrs. Dane's Defence: A Play in Four Acts. Third edition. N. Y. – L.: Samuel French, 1905. 127 p.
11. Jones H. A. Saints and Sinners: A New and Original Drama of Modern English Middle-Class Life in Five Acts. L. – N. Y.: Macmillan and Co., 1891. 142 p.
12. Plays by Henry Arthur Jones / ed. by R. Jackson. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 228 p.

RETROSPECTION IN HENRY ARTHUR JONES'S DRAMA

Grigor'eva Mariya Alekseevna

Moscow City University

Lady-mary_15@mail.ru

The article deals with the device of retrospection in the context of the “new drama” genre formation in England at the turn of the XIX-XX centuries. By the example of Henry Arthur Jones’s plays “Saints and Sinners”, “Mrs. Dane’s Defence”, for the first time translated into Russian by the author of the presented work and introduced into scientific use, it is shown how the device of retrospection is realized at different levels of the dramatic work: composition, plot, conflict, and descriptive-expressive means. H. A. Jones uses retrospection as a basis for the construction of plays, as well as a content aspect related to the central theme of the works.

Key words and phrases: English drama; “new drama”; Henry Arthur Jones; composition; retrospection.

УДК 821.521

Дата поступления рукописи: 10.02.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.93>

В статье исследуется история знакомства японцев в конце XIX в. с русской литературно-критической мыслью, с работами В. Г. Белинского. На конкретных примерах показано, как непросто шел этот процесс и какие сложности возникали в ходе осмысления японской читающей публикой критических идей русской литературы. Показана роль известного русиста Фтабатэя Симэя в деле пропаганды критических идей В. Г. Белинского, в формировании в японском обществе стойкого интереса к русской критической мысли, которая в дальнейшем оказала огромное влияние на процесс становления и развития новой японской литературы.

Ключевые слова и фразы: литературно-эстетические воззрения; русская критическая мысль; становление новой японской литературы; критические статьи В. Г. Белинского; переводы Фтабатэя Симэя.

Садокова Анастасия Рюриковна, д. филол. н., профессор

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Московский городской педагогический университет

sadokova@list.ru

**РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ
И СТАНОВЛЕНИЕ НОВОЙ ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

На рубеже XIX-XX вв. Япония после более чем двухвекового «затворничества» открылась для контактов с внешним миром. Наряду с глобальными переменами в жизни японского общества начался и процесс

становления новой японской литературы, на которую большое влияние оказывала не только русская художественная литература, но и работы русских литературных критиков. Можно даже сказать, что знакомство первых японских русистов-переводчиков происходило сначала с теоретическими работами, а уже затем непосредственно с произведениями, которые зачастую «открывались» им в ходе знакомства с русской литературно-критической мыслью. В свое время акад. Н. И. Конрад отмечал, что русские писатели сыграли важную роль в формировании многих литературных направлений в Японии и оказали большое влияние на создание новой японской литературы [6, с. 452].

Именно таков был процесс приобщения к литературно-эстетическим воззрениям русских литературных критиков, а затем и собственно к произведениям русской классической литературы самого известного теоретика новой японской литературы, русиста по образованию и профессионального переводчика русской литературы Фтабатэя Симэя (настоящее имя Хасэгава Тацуноскэ, 1864-1909). О его переводах русской классики написано немало [3, с. 32-35], однако о значении русской литературно-критической мысли в формировании Фтабатэя как теоретика новой японской литературы сведения достаточно фрагментарны. Данная статья стремится заполнить эти пробелы и в этом ее научная новизна. Тем более что актуальность восполнения этих знаний очевидна: в 2018 г. широко отмечалось 150-летие революции Мэйдзи (1868) в Японии, в результате которой начался процесс «европеизации» японского общества и культуры. В преддверии этой даты вновь большое внимание стало уделяться научным исследованиям тех нововведений, которые последовали за «открытием» страны, а также повысился интерес к малоизвестным деталям процесса формирования новой японской культуры. Работа ставит своей целью показать сложный процесс приобщения японского литературного сообщества к литературно-эстетическим воззрениям русской литературы и критической мысли именно в этот период японской истории. Отсюда и круг поставленных задач: выявить теоретические идеи В. Г. Белинского, которые оказали наибольшее влияние на формирование литературной мысли в Японии; рассмотреть теоретическую статью Фтабатэя Симэя «Общая теория романа» с точки зрения осмысления и понимания идей В. Г. Белинского; проанализировать процесс утверждения заимствованной из русской классики темы конфликта человека и общества, темы «лишнего» человека в новой японской литературе.

Фтабатэй был первым профессиональным литератором-русистом. В 1881 г. он поступил на русское отделение Токийского института иностранных языков, желая сделать карьеру дипломата. Однако русская литература увлекала его настолько, что с годами он стал известным переводчиком русской классики. Фтабатэй первым из японских литераторов обратил внимание на социальные темы, которые интересовали русскую литературу, и начал относиться к русской литературе как к художественному исследованию жизни. Тем более что японская литература никогда до этого не обращалась к темам подобного рода.

Понятно, что литературно-эстетические воззрения Фтабатэя также формировались под серьезным влиянием русской литературно-критической мысли. В конце XIX в. в библиотеку Токийского института иностранных языков, студентом которого был тогда Фтабатэй, вместе с первыми произведениями русской литературы попали критические статьи Белинского. Они произвели на молодого Фтабатэя сильное впечатление.

Сохранились воспоминания одного из однокурсников Фтабатэя по имени Отагуро Дзюгоро, который упоминает в них книгу «Эстетика» Белинского, которой зачитывался Фтабатэй. В своих записках, названных «Разные воспоминания», Отагуро Дзюгоро рассказывает о том, как на одной дискуссии по эстетике Фтабатэй стал рассказывать своим сокурсникам о Белинском. При этом он не просто цитировал русского критика, а высказывал свои суждения о тех или иных идеях Белинского. Как отмечает Отагуро Дзюгоро, эти идеи были очень смелые и неожиданные [7]. И такая оценка, конечно, была не случайна: тогда в Японии эстетические взгляды Белинского, а также их подача в интерпретации Фтабатэя воспринимались как новаторские и, наверное, не очень понятные всем.

Интересно, что еще в 1980-х гг. известный советский японист К. Рехо попытался выяснить, что за книга «Эстетика» Белинского хранилась в библиотеке Токийского института иностранных языков. Для этого он обратился к эпистолярному наследию Фтабатэя – к письму, адресованному известному писателю, современнику Фтабатэя по имени Утида Роан. Письмо датировалось 9 июля 1890 г. В нем Фтабатэй написал следующее: «Года четыре или пять назад я зачитывался сочинениями Белинского. Важнейшие статьи, кажется, вошли в двенадцатый том. Как раз этот том я дал почитать приятелю и сейчас его нет (у меня. – А. С.) под рукой» [Цит. по: 4, с. 61]. К. Рехо делает предположение, что в личной библиотеке Фтабатэя Симэя находилось «Собрание сочинений» Белинского в 12-ти томах (изд. К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М., 1859; 2-е изд. 1861-1875 гг.). Известно, что в двенадцатый том этого собрания сочинений как раз входили самые важные, наверное, для Фтабатэя статьи: «Разделение поэзии на роды и виды», «Идея искусства», «Мысли и заметки о русской литературе» и другие. Обращает на себя внимание и то, что в то время популярный литературный критик, публицист и переводчик Утида Роан (1868-1929) обратился в этой переписке к Фтабатэю как раз с вопросом о различии поэзии и новеллы «по Белинскому». Это лишний раз свидетельствует о том, насколько важны и популярны были в то время в среде японской интеллигенции литературно-критические взгляды русской литературы. А также говорит о том, что сам Фтабатэй считался среди коллег знатоком этой новой и пока еще до конца непонятой концепции.

Судя по всему, изучение эстетики Белинского носило у Фтабатэя систематический характер. Фтабатэй напряженно стремился вникнуть в мысли Белинского и постичь суть русской литературы. Некоторые статьи он переводил не столько для печати, сколько для самостоятельного осмысления. **Вероятно, нередко он делал переводы работ Белинского по просьбе кого-то. Так, например,** известно, что статья Белинского

«Идея искусства» в переводе Фтабатэя хранилась в личном архиве его учителя и друга Цубоути Сёё (1859-1935). По мнению К. Рехо, Фтабатэй перевел ее не для публикации, а специально для того, чтобы Цубоути познакомился с эстетическими воззрениями русского критика, которые никак не согласовались с теоретическими положениями статьи Цубоути «Сущность романа» [Там же, с. 62].

Высказывая такое предположение, автор намекает на известный конфликт между Цубоути Сёё и Фтабатэем. Некоторое время Фтабатэй Симэй учился теории литературы у Цубоути Сёё, который первым из японских критиков написал теоретическую статью о специфике европейского романа и назвал ее «Сущность романа». Фтабатэй же подверг статью резкой критике, написав свою собственную под названием «Общая теория романа», во многом основанную на идеях Белинского. Попутно заметим, что статья Белинского «Идея искусства» в переводе Фтабатэя Симэя была опубликована только в 1928 г. и вошла в книжную серию «Культура эпохи Мэйдзи», изданную в двадцати четырех томах. Сам факт включения русской критической статьи в эту серию может рассматриваться как важный показатель не только динамичного развития в Японии новой литературы и литературной мысли, но и признания значения русской критической мысли для становления теории новой японской литературы.

Новизна и глубина идей Белинского, которую Фтабатэй пытался донести до японского читателя в своей статье, явно диссонировала с идеями, высказанными в статье Цубоути Сёё «Сущность романа». Можно сказать, что опираясь на идеи Белинского, Фтабатэй задал новую и очень высокую планку для становления и формирования японской литературной критики. **Чтобы понять, как именно благодаря знакомству с работами Белинского Фтабатэй изменил литературно-критическое сознание японской интеллигенции, достаточно в качестве примера привести наблюдение К. Рехо:** «В теории “сясэй” (“рисование с натуры”) Цубоути Сёё делает акцент на “соответствии”, на умении верно писать с натуры. Но, как отмечал уже Белинский, “не умея верно писать с натуры, нельзя быть поэтом, но и одного этого умения мало, чтобы быть поэтом, по крайней мере замечательным”. Вслед за Белинским Фтабатэй выступает против натуралистического копирования, он ратует за искусство, творящее образ, в котором наиболее ярко проявляется сущность жизненных явлений» [Там же, с. 65].

Ключевое определение, которым открывается статья В. Г. Белинского «Идея искусства»: «Искусство... есть мышление в образах» [1, с. 67], – стало для Фтабатэя определяющим для понимания сущности развития русской литературы. Благодаря Фтабатэю японская теоретическая литературная мысль наполнилась совершенно иным содержанием, стала оперировать новыми и сначала не очень понятными категориями. Даже само слово «образ», заимствованное у Белинского, сначала не поддавалось осмыслению, потому что японская традиция не оперировала такими понятиями, а имела свою собственную систему эстетических воззрений, основанных более на чувствах и сиюминутных эмоциях. Однако прошло время, и термины и понятия, предложенные Белинским, в том числе и «образ», получили определенность и даже стали рассматриваться в работах Фтабатэя не только через призму идей Белинского, но и через эстетику Гегеля. И тогда Фтабатэй, вслед за Гегелем и Белинским, смог сформулировать идею о двух различных формах познания реальности. В своей главной критической статье «Общая теория романа» он написал: «Человек в силу своих природных особенностей познает единство в различии. Говоря о способах познания, можно выделить два. Первый способ – это научное познание, приводящее к пониманию сущности путем логических заключений, при помощи разума. Второй – познание эстетическое, через искусство, основанное на ощущениях, при помощи чувств» [9, с. 96].

Из этого несколько пространного объяснения понятно, что искусство и литература осознались Фтабатэем в качестве особой формы познания реальности, противопоставленной научному и вообще понятийному мышлению. Для сравнения можно вспомнить известную гегелевскую формулу: «Мы можем обозначить поэтическое представление как образное, поскольку оно ставит перед нашим взором вместо абстрактной сущности конкретную ее реальность» [2, с. 194]. В этой связи следует напомнить, что определение искусства как «мышления в образах», его введение в искусствоведческий оборот принадлежит в основном Белинскому. Фтабатэй же отдал предпочтение несколько упрощающей видение проблемы схеме: познание через разум противопоставляется в его интерпретации познанию через чувства, живое творчество. В определенной степени он следовал японской традиции. Противопоставление разума и чувства очень характерно для эстетических учений дальневосточного историко-культурного региона. При этом под чувством в странах Дальнего Востока подразумевается не только эмоция; это слово корреспондирует с человеколюбием и с творческим отношением к действительности.

Надо сказать, что, вслед за Белинским, Фтабатэй на протяжении всей своей творческой жизни обращался к проблеме верности изображения жизни в литературном творчестве. В разные годы и в разных своих работах он как будто вновь и вновь пытался донести до читателей (а может быть, и более четко сформулировать самому себе) глубину отношения к ней Белинского, принцип верности жизни в литературном творчестве. Много десятилетий назад один из отечественных исследователей творчества Фтабатэя Р. Л. Карлина, формулируя кредо Фтабатэя как теоретика новой японской литературы, писала, что для него самым важным было воспроизведение действительности. При этом Фтабатэй прекрасно понимал, что писатель не должен копировать действительность, механически описывать то, что видит вокруг себя, он должен творчески воспроизводить ее при помощи своей фантазии [5, с. 507].

Сегодня, когда прошло уже больше ста тридцати лет со времени написания статьи Фтабатэя, многие ее утверждения воспринимаются как сами собой разумеющиеся, однако в конце XIX столетия все написанное Фтабатэем считалось в Японии новаторским и смелым.

При этом Фтабатэй, открывая японцам теоретические основы русской эстетики и литературной критики, одновременно оставался верен традициям японского литературоведения и обращался к понятийному аппарату традиционной японской эстетики. Более того, он прибегал к арсеналу традиционных средств, даже когда обращался к характеристике далеких от японской традиции явлений русской литературы. Так, например, в одной из статей, используя образно-экспрессивный стиль японской традиции, он очень «по-японски» описал «поэтическую идею» И. С. Тургенева. По мнению Фтабатэя, поэтическая идея Тургенева не напоминает ни зиму, ни осень. Это весна, да и то не ранняя весна и не середина весны. Это конец весны, когда вишни все в буйном цвете и вот-вот начнут осыпаться. А еще Фтабатэй писал, что возникает ощущение, будто идешь по узкой тропинке, среди вишен, лунным вечером, когда призрачная, прекрасная весенняя луна сияет в далеком, подернутом туманной дымкой небе [3, с. 106-107]. Совершенно очевидно, что в этом описании что ни образ, то четкая «отсылка» к классической японской поэзии, которая вся пронизана образами облетающей сливы или вишни, туманной дымки и луны над горой.

Таковы же и примеры, которые Фтабатэй приводит в своей статье «Общая теория романа». Чтобы читатель понимал, о чем вообще идет речь, он вспоминает средневековые музыкальные жанры – «сказы *киёмото*» и «баллады *токивадзу*», а также «картины Канаока», то есть шедевры японского искусства школы *косэха* IX-XIV вв., то есть обращается к самым глубинам японской средневековой культуры. При этом статья была написана в лучших традициях японских классических поэтических трактатов. Фтабатэй сохранил в своей теоретической статье даже сам стиль этих трактатов с большим количеством повторов и риторических вопросов. Современному читателю такой стиль может показаться излишне витиеватым, но так писались теоретические работы в Японии всего сто лет назад: «Пишущие нынче псевдописатели, – писал в своей статье Фтабатэй Симэй, – идут против правды жизни и уловить чувств не могут – то же самое происходит и с картинами Канаока: грошовые художники копируют их, а передать дух картин не в состоянии» [9, с. 97].

Основываясь на выработанной новой теоретической концепции, в 1886 г. Фтабатэй не только опубликовал статью «Общая теория романа», но и одновременно начал работу над романом «Плывущее облако». И это было еще одним подтверждением неразрывной связи Фтабатэя с традицией: публикация романа «вослед» своей теоретической статье, как бы желая применить теорию на практике, была в моде у японских литераторов того времени и даже гораздо раньше. Достаточно вспомнить, что и Цубоути Сёё, написав свое известную статью «Сущность романа», также попытался предварить в жизнь ее основные постулаты. Неудачный роман «Нравы студентов нашего времени», который был написан им «по рецепту» своей же статьи, как раз и стал поводом для Фтабатэя Симэя написать статью «Общая теория романа», где он подверг критике роман Цубоути Сёё, а также его видение теории романа вообще. К этому моменту Фтабатэй же хорошо владел теоретическими основами романа и хорошо знал основные идеи русской литературно-критической мысли.

При этом роман самого Фтабатэя тоже оказался не слишком удачным. Современники совершенно не оценили достоинств этого произведения: Фтабатэй, приобщившись к русской классике, слишком забежал вперед, и японское общество оказалось не в состоянии поспеть за ним. Японский читатель еще не был готов к восприятию обличительного реалистического романа, тем более что до этого такого романа никто никогда в Японии не писал. Роман остался практически незамеченным. Японский читатель в то время увлекался любовными романами весьма фривольного содержания, а также авантюрно-приключенческой прозой и, не видя в стиле Фтабатэя традиционной цветистости, а в сюжете увлекательности, нашел его непонятным и скучным. Фтабатэй следовал за русской литературой, воплощая в жизнь идеи русской литературно-критической мысли, но японская читающая публика еще не была готова к встрече с идеями и проблемами такого уровня.

Герой романа «Плывущее облако» по имени Уцуми Бундзо – молодой, человек, приехавший из провинции в столицу. Он полон надежд. На волне больших перемен в японском обществе он хочет найти свое место в жизни. Ему кажется, что «открытие» страны для внешнего мира изменило и людей. Однако очень быстро он обнаруживает, что старые устои все еще сильны, а общество, в которое он так стремился и наконец попал, не желает не только перемен, но и всячески держится за старые устои. Бундзо, который пытается противостоять обществу, оказывается выброшенным за борт: его увольняют со службы, любимая девушка уходит к другому – более богатому и приспособленному к новой реальности молодому человеку. Бундзо вступает в борьбу с обществом и обрекает себя на одиночество [8].

Можно сказать, что, следуя традициям русской литературы, Фтабатэй по-своему пришел к созданию образа «лишнего» человека. Однако Фтабатэй не видел выхода для своего героя: японская литература еще не знала героя – интеллигента-одиночки, оторванного от жизни общества. Такой герой противоречил устоям и нормам японского общества как такового.

Роман «Плывущее облако» так и остался незавершенным – доведя развитие сюжета до полного одиночества Бундзо, Фтабатэй перестал писать. Считается, что роман остался незавершенным потому, что сама идея романа потерпела крах. Но, может быть, это тоже было данью японской традиции – оставить читателя наедине с героем, чтобы читатель сам смог домыслить дальнейшую судьбу Бундзо.

Спустя время художественная ценность романа «Плывущее облако» была признана, равно как и ценность литературно-эстетических воззрений Фтабатэя Симэя, основанных на глубоком осмыслении русской литературно-критической мысли. Более того, спустя всего несколько лет появилась целая плеяда молодых японских писателей, которые, восприняв идеи и темы русской литературы, а также опыт Фтабатэя, создали первые реалистические произведения в японской литературе. Токутоми Рока, Симадзакэ Тосон, Таяма Катай и Нацумэ Сосэки были названы писателями «первой волны японского реализма» и создателями новой японской литературы.

Список источников

1. **Белинский В. Г.** Идея искусства // Белинский В. Г. Собрание сочинений: в 3-х т. / под ред. Ф. М. Головенченко. М.: ГИХЛ, 1948. Т. 2. С. 67-82.
2. **Гегель Г.** Сочинения: в 14-ти т. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. Т. 14. Лекции по эстетике. 440 с.
3. **Григорьева Т., Логунова В.** Японская литература. Краткий очерк. М.: Наука, ГРВЛ, 1964. 282 с.
4. **К. Рехо (Ким Ле Чун).** Русская классика и японская литература. М.: Художественная литература, 1987. 352 с.
5. **Карлина Р.** Белинский и японская литература // Литературное наследство / гл. ред. А. М. Еголин. М.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 56. В. Г. Белинский. С. 501-512.
6. **Конрад Н. И.** Японская литература. От Кодзика до Токутоми. М.: Наука, 1974. 568 с.
7. **大田黒重五郎.** 種々なる思ひ出 // 二葉亭四迷全集. 第9巻. 出版社: 岩波書店. 東京, 1965 (Отагуро Дзюгоро. Разные воспоминания // Фтабатэй Симэй. Полное собрание сочинений: в 9-ти т. Токио: Иванами сэтэн, 1965. Т. 9. С. 195-200).
8. **二葉亭四迷.** 浮雲 // 二葉亭四迷全集. 全9巻. 第1巻. 出版社: 岩波書店. 東京, 1964 (Фтабатэй Симэй. Плывущее облако // Фтабатэй Симэй. Полное собрание сочинений: в 9-ти т. Токио: Иванами сэтэн, 1964. Т. 1. С. 3-157).
9. **二葉亭四迷.** 小説総論 // 日本近代文学大系(4). 出版社: 角川書店東京, 1971 (Фтабатэй Симэй. Общая теория романа // Серия книг по современной японской литературе: в 60-ти т. Токио: Кадокава, 1971. Т. 4. С. 90-102).

RUSSIAN LITERARY-CRITICAL THOUGHT AND NEW JAPANESE LITERATURE FORMATION

Sadokova Anastasiya Ryurikovna, Doctor in Philology, Professor
Lomonosov Moscow State University
Moscow City University
sadokova@list.ru

The article examines the history of acquaintance of the Japanese with the Russian literary-critical thought and V. G. Belinsky's works at the end of the XIX century. Specific examples show how difficult this process was and what complications arose while understanding the critical ideas of the Russian literature by the Japanese reading public. The author demonstrates the role of the famous specialist in the Russian philology Futabatei Shimei in the propaganda of V. G. Belinsky's critical ideas, in the formation of the Japanese society's strong interest in the Russian critical thought, which later greatly influenced the process of the new Japanese literature formation and development.

Key words and phrases: literary-aesthetic views; Russian critical thought; new Japanese literature formation; V. G. Belinsky's critical articles; Futabatei Shimei's translations.

УДК 82-2

Дата поступления рукописи: 25.01.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.94>

Объектом рассмотрения в статье становится специфика функционирования мотива «предопределение» в пьесе знаменитого американского драматурга XX века Теннесси Уильямса «Ночь игуаны». В работе приводятся принятые в современной науке толкования вышеуказанного понятия. В ходе исследования осуществляется анализ мотивного, идейно-философского и психологического планов художественного текста, на основе которого делается вывод об отличиях между идеей промыслительности, зародившейся в пуританском обществе тремя столетиями ранее, и ее интерпретацией в конкретном драматургическом произведении.

Ключевые слова и фразы: предопределение; колониальная словесность; литературный мотив; драматургия США; литература XX века; Т. Уильямс.

Федоренко Ольга Ярославовна

Московский городской педагогический университет
Olgadujuin@gmail.com

МОТИВ «ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ» В АМЕРИКАНСКОЙ ДРАМАТУРГИИ XX СТОЛЕТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПЬЕСЫ Т. УИЛЬЯМСА «НОЧЬ ИГУАНЫ»)

Мотив «предопределение», также известный как «провиденциальность», появился на страницах произведений американской словесности еще в колониальный период в среде пуритан, о чем свидетельствует достаточное количество литературных памятников того периода, дошедших до наших дней [11; 14; 15; 17]. Анализируя тексты авторов XVII-XVIII веков, можно заключить, что предопределение входит в число мотивов, составляющих «фундамент ранней американской словесности», и получает «дальнейшее развитие в литературе США последующих столетий» [2, с. 9]. В значительной степени это связано с тем, что идея предопределения является одной из ведущих составляющих американского национального самосознания.

Имя существительное *providence* (англ. «предопределение, провидение») в современных словарях трактуется следующим образом: "...divine guidance or care", "God conceived as the power sustaining and guiding human destiny" [13], "God, or a force which is believed by some people to arrange the things that happen to us" [12]. Таким образом, в приведенных определениях под анализируемым термином понимается или сам Бог как источник